

— Эй, вода закипела.

Звук лопающихся пузырьков не прекращался, и Чэнь Фан сразу переключил внимание, как рыбка, проскользнул мимо Лу Шицина и положил все, что нужно было сварить или пассировать, в кипящий котел.

— Неужели ты так быстро меняешь настроение? Только что ревновал, а теперь уже нет? — Лу Шицин, прислонившись к столу, смотрел на Чэнь Фана.

— Это было только что, — Чэнь Фан помешал мясо в кастрюле палочками и улыбнулся. — Теперь я не ревную, я ем хот-пот.

Долгое жевание — это серьезное испытание для челюстей, особенно когда ешь мясо.

Когда пакеты с продуктами опустели, Лу Шицин не почувствовал себя слишком объевшимся, но уставшие от постоянной работы челюсти заставили его подпереть лицо рукой и сонно жевать.

— Как ты умудрился устать от еды? — Чэнь Фан с улыбкой наблюдал за ним.

— Смешной, — Лу Шицин с облегчением проглотил последний кусок мяса. — Просто жевать устал. Если бы можно было пропустить жевание и сразу отправить мясо в желудок, я бы еще немного съел.

— Тогда лучше сразу на капельницу перейти, заодно и пищеварение пропустишь, — пошутил Чэнь Фан.

— Да, я тоже всегда думал, что было бы здорово, если бы в математике можно было пропустить решение и сразу написать ответ, — Лу Шицин встал, взял кастрюлю с остатками бульона. — Я вынесу.

Края кастрюли были покрыты животным жиром, и, промыв их холодной водой, стало только хуже. Лу Шицин решил не мучиться и отложить мытье кастрюли до завтра, когда купит средство для мытья посуды.

Вернувшись в комнату, он увидел, что все уже было убрано, и почти не осталось следов их «преступления». Воздух, наполненный паром от хот-пот, тоже почти рассеялся.

Лу Шицин заметил, что окно было приоткрыто, а Чэнь Фан стоял у окна и пальцем рисовал что-то на запотевшем стекле.

— Что делаешь? — Лу Шицин поставил кастрюлю в угол и подошел к Чэнь Фану, увидев, как свет снаружи пробивается через контур иероглифа «Лу», а несколько капель воды стекали с каждого штриха вниз, до самого подоконника.

— Просто рисую, — Чэнь Фан убрал руку.

— Детские забавы, только малыши так играют, — Лу Шицин, хотя и говорил это, сам прижал палец к стеклу и с размахом, как великий каллиграф, написал имя Чэнь Фана.

Чэнь Фан улыбнулся, снова прижал палец к стеклу и дописал имя Лу Шицина.

В конце, когда Чэнь Фан уже почти закончил вертикальную черту, Лу Шицин намеренно подставил палец, и линия пошла криво. Чэнь Фан инстинктивно отдернул руку, но Лу Шицин

продолжил преследовать его, и их пальцы, играя, оставили на запотевшем стекле ряд кривых отпечатков рядом с их именами.

— Ты только что говорил, что я ребенок, а теперь посмотри на себя, — Чэнь Фан, когда Лу Шицин схватил его руку, наклонил голову, словно упрекая.

— Я не говорил, что сам не ребенок, при наличии доказательств я могу признать, — Лу Шицин сжал руку Чэнь Фана в своей ладони и сквозь следы на стекле посмотрел на улицу. — Уже стемнело, мост через залив снова загорелся.

— Да, уже поздно, — пробормотал Чэнь Фан.

— Черт, тебе ведь еще на работу нужно? — Лу Шицин, опасаясь, что из-за него Чэнь Фан опоздает, почувствовал тревогу.

— Я взял выходной на весь день, вечером можно не идти, — спокойно ответил Чэнь Фан.

— А, — Лу Шицин успокоился и после паузы спросил. — Тогда я провожу тебя домой?

— Велосипед я припарковал у ворот, — сказал Чэнь Фан.

— Ну, когда поедем? Сейчас? — спросил Лу Шицин.

— Как угодно, — ответил Чэнь Фан.

— А, как угодно... — Лу Шицин задумчиво повторил, понимая, что этот ответ слишком широк и неопределен, словно решение полностью зависело от него.

Не было конкретного времени, но он видел, как Чэнь Фан уже нашел свою куртку и, держа ее за воротник, встряхнул в воздухе.

Уже уходить? Сейчас?

Нет.

— Может, останешься на ночь? — предложил Лу Шицин.

Он вдруг подумал, что раз «как угодно», то и утром можно.

— Что? — Чэнь Фан замер с курткой в руке.

— Останься на ночь, — Лу Шицин вытащил куртку из рук Чэнь Фана и повесил на спинку стула, затем сделал паузу. — Кровать в общежитии довольно большая.

Произнося это, Лу Шицин вдруг почувствовал, что ведет себя нагло.

Он невольно подумал, что, оставляя Чэнь Фана на ночь, он проведет с ним всю ночь в полной темноте, в пространстве, где будут только они двое, в непосредственной близости друг от друга, спя.

Что такого в сне? В мире нет людей, которые не спят. Просто лежать на кровати, закрыть глаза и потерять сознание, чтобы проснуться на следующее утро — это совершенно нормально.

Единственное отличие от обычного — рядом лежит кто-то, и, если искать что-то особенное, то

это просто тот, кого он очень любит.

Вот и все.

Так что сон — это ничего особенного, нельзя сказать, что он наглый.

— Мы... — Чэнь Фан, казалось, колебался.

— Я не буду вести себя как хулиган, — Лу Шицин говорил быстро, искренне, чуть ли не клялся.

— Не волнуйся, это просто сон, состояние, а не глагол.

Чэнь Фан очнулся и усмехнулся:

— В следующий раз ты точно сдашь китайский.

— Тогда... — Видя, что Чэнь Фан не собирается снова надевать куртку, а садится на стул, Лу Шицин улыбнулся и полез в свою сумку. — Я найду тебе новую зубную щетку.

Они быстро почистили зубы, и, когда легли на кровать, Лу Шицин понял, что кровать в общежитии, хоть и просторная для одного, для двух мужчин все же немного узковата. Даже если они оба лежали на боку, их руки неизбежно соприкасались, не оставляя места для разделения.

— Тесно? — Лу Шицин подложил одну руку под голову Чэнь Фана, а другой обнял его за спину, прижав к себе, довольный своей маленькой хитростью. — Вот так, теперь не тесно.

— Угу, — Чэнь Фан улыбнулся в ответ, и, возможно, из-за грубой ткани одежды, его уши покраснели.

Лу Шицин рукой через свитер Чэнь Фана поглаживал его выступающие лопатки, затем перешел к плечам:

— Ты слишком худой.

— Если я поправлюсь, нам вдвоем точно не поместиться на этой кровати, — Чэнь Фан пошевелился.

— Не будет тесно, — Лу Шицин крепче обнял Чэнь Фана, освободив немного места у края кровати. — Видишь, если обнять покрепче, места еще много.

Расстояние между их телами было заполнено ненужным пространством, голова Чэнь Фана лежала на плече Лу Шицина, он дышал ровно и спокойно, его мягкое дыхание касалось шеи Лу Шицина, влажное и щекотливое, словно вот-вот вызовет пот.

Оставляя Чэнь Фана на ночь, Лу Шицин, чтобы не смущать его, немного сдержал свою привычную манеру одеваться и не надел майку, а выбрал белую футболку. Чэнь Фан тоже молчал, оставаясь в том же свитере, в котором он фотографировался, с высоким воротником, довольно плотным.

В комнате было тепло, и их тела, прижатые друг к другу, тоже согревались, но, пока Чэнь Фан не чувствовал ничего особенного, Лу Шицин начал ощущать жар.

С головы до ног, изнутри и снаружи, казалось, с каждым вдохом его тело нагревалось все больше, концентрируя весь жар в крови, которая прилиwała к альфа-железе на задней части

шеи, обозначающей его статус. Она набухла, словно готовая прорваться через кожу, с нетерпением ища что-то.

На уроках биологии учитель рассказывал, что альфа-железа может чувствовать феромоны омеги, нагреваться и вызывать физические реакции. Хотя у Лу Шицина было отсутствие обоняния, и он не чувствовал феромонов, эта странная реакция железы все же присутствовала, и он не знал, была ли она такой же, как та, о которой говорил учитель.

Но Чэнь Фан ведь был бетой.

Испытывать непонятные импульсы к бете без феромонов заставляло Лу Шицина думать, что его железа вот-вот потеряет рассудок, как и его мозг.

<http://bllate.org/book/16746/1540157>